

Глава 35. Жадность

Линь Шо вернулся в кинотеатр «Радость без границ».

Согласно новому плану городского развития, этот район решили превратить в культурную площадь, и кинотеатр, признанный «объектом культурного наследия», оказался в самом центре этой зоны. Беды редко приходят поодиночке, но и добрые вести обычно следуют одна за другой. Если раньше Босс Лин считал, что спасти здание — задача почти невыполнимая, то теперь его сердце наконец успокоилось.

Помогать тому, кто в беде — трудно, а вот добавить блеска тому, кто уже преуспел — проще простого. Линь Шо затеял всю эту кутерьму с «Безумным наклейщиком плёнок» даже после того, как Босс Лин отстоял кинотеатр, именно ради этого: набить заведению цену и сделать его узнаваемым. Когда дело доходит до того, что достаточно лишь кивнуть, чтобы получить выгоду, многие охотно идут навстречу.

Возьмём тот же кинотеатр: никто не захотел бы защищать развалюху, от которой остались лишь голые стены. Но если здание обретает известность, привлекая туристов и постояльцев, желающих приоткрыть для него «дверь возможностей» становится в разы больше.

Линь Шо неспешно шёл к «Радости без границ» по аллее, усаженной гинкго.

Глядя на знакомый купол и сверкающую новизной вывеску, он чувствовал, как на душе воцаряется покой. Внезапно он замедлил шаг.

Впереди, на скамье под деревом гинкго, он увидел Лин Чу.

Тот сидел, погружённый в чтение сценария. Этому дереву было уже лет семьдесят, и оно давало на редкость вкусные плоды. Раньше, когда Лин Чу так же читал здесь книги, Линь Шо сбивал палкой спелые орехи, а мгновение спустя из здания вылетал разгневанный Линь Хоугэнь и, размахивая тростью, крыл его на чём свет стоит за то, что тот мешает Сяо Лину заниматься.

Надо же, стал маленькой звездой, а всё равно так любит это место. Линь Шо подошёл ближе и с лукавой улыбкой произнёс:

— Брат Лин, тут впору ставить табличку «Личное место Лин Чу». Вот когда ты станешь суперзвездой, превратим скамейку в платный аттракцион — рубль за минуту сидения!

Лин Чу только сейчас заметил его. Он поднял глаза на друга: Линь Шо улыбался, небрежно засунув руки в карманы, но он по-прежнему держался прямо, как натянутая струна.

Встретившись с его смеющимся взглядом, Лин Чу на мгновение замялся.

— Сегодня заходили бывшие соседи, — негромко сказал он. — Говорят, очень скучают по этим местам. Обещали теперь часто приходить на сеансы.

Линь Шо присел рядом с ним и задрал голову, подставляя лицо лучам заходящего солнца, пробивающимся сквозь кружевную листву.

— Это здорово. Дядя Лин, небось, на седьмом небе от счастья?

Лин Чу посмотрел на Линь Шо, который сейчас расслабленно опирался руками о спинку скамьи.

— Да, он рад, — ответил тот, но в его голосе проскользнула едва уловимая печаль.

В начале сноса его отец обивал пороги, наивно надеясь собрать подписи под петицией «За сохранение кинотеатра», но желающих нашлось немного. Людей можно было понять — это могло ударить по их компенсациям за жильё.

Пока была жива мать Лин Чу, родители часто ссорились именно из-за излишней щедрости отца — тот готов был помогать всем подряд, едва не пуская семейное дело по миру. Лишь после её смерти Босс Лин осознал, как тяжело на самом деле управлять кинотеатром. Чем яснее он это понимал, тем сильнее его грызло чувство вины: помогать другим — благое дело, но нужно и меру знать.

Впрочем, Босс Лин не затаил обиды на тех, кто отказался подписывать бумаги. Когда соседи пришли сегодня, он встретил их всё с тем же радушием. Но былой безрассудной щедрости в нём больше не осталось.

Лин Чу внимательно наблюдал за Линь Шо. Некоторые вещи они понимали лишь на собственном горьком опыте, Линь Шо же, казалось, знал всё наперёд. Всё шло по его сценарию: он не удивлялся ни когда люди отворачивались, ни когда они возвращались.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Линь Шо повернулся. Черты лица Лин Чу были глубже и резче, чем у большинства китайцев — наследство матери, в которой текла половина русской крови. Высокий лоб, волевой взгляд, прямой и крепкий нос. Для женщины такая внешность могла показаться слишком суровой, но Лин Чу она превращала в баловня судьбы. С таким лицом камера влюблялась в него мгновенно, стоило ему лишь войти в кадр.

Лин Чу был рождён для света софитов. Хотя раньше он терпеть не мог актёрство.

Это было несбывшейся мечтой его матери. Она так и не смогла пробиться в этой индустрии, а встретив Босса Лина, окончательно вернулась в реальный мир. Дни напролёт она изводила себя мыслями о деньгах и судьбе кинотеатра, никогда не упоминая о прошлом. Если бы Лин Чу не нашёл её старые дневники, полные страсти к сцене, она так и осталась бы в его памяти

лишь ворчливой и приземлённой женщиной.

В детстве он ненавидел её за вечные скандалы с отцом из-за денег и потому часто сбегал под это дерево с книгой. Только когда матери не стало, он понял, что она, как и все молодые люди, когда-то грезила о чём-то высоком. А они — те, кто стал смыслом её жизни, — так никогда об этом и не узнали. Они даже не ценили её жертв ради кинотеатра, считая, что она видит перед собой лишь гроши.

Они погубили её мечту, а потом ещё и презирали за меркантильность. После её смерти и отец, и сын долго пребывали в глубоком унынии.

Тогда Лин Чу и решил стать актёром.

Но поскольку всю жизнь он провёл за учебниками и не знал жизни, первая же попытка обернулась катастрофой: он наткнулся на мошенников. Те пели красиво, но на деле заманивали людей в притон, где снимали порнографию, причём самую грязную — с инсценировкой насилия.

Если бы не пронизательность Линь Шо, жизнь Лин Чу была бы растоптана. В тот момент он почувствовал себя абсолютно никчёмным.

Лин Чу смотрел на сидящего рядом Линь Шо. Они знали друг друга столько лет, что он выучил каждый его жест, каждую мимолётную гримасу. Даже когда Линь Шо улыбался, Лин Чу видел, что в глубине души что-то не так.

— Почему ты не весел? — прямо спросил тот.

Линь Шо на мгновение замер.

— Надо же, раскусил, — он поймал медленно кружащийся лист гинкго и с притворным вздохом посмотрел на друга. — Ты всегда был слишком наблюдательным. Чуть что не так — сразу бежал докладывать деду. Знаешь, одно время я был уверен, что ты меня терпеть не можешь...

— Это не так, — отрезал Лин Чу, поджав губы.

Тогда многие завидовали ему. А он завидовал Линь Шо.

В устах взрослых он был образцом для подражания: прилежный, послушный, не доставляющий хлопот. Линь Шо был его полной противоположностью.

Но Линь Шо всегда жил ярче и свободнее. Пока другие корпели над уроками, он пропадал на улицах, изучая жизнь во всех её проявлениях. Он мог разговорить любого — от сурового соседа

до водителя автобуса, и в его арсенале всегда находилась меткая история или житейская мудрость.

Лин Чу ждал ответа на свой вопрос. Линь Шо сейчас работал в Корпорации Хэ, и Хэ Янь, судя по всему, поддерживал его амбиции в кино. Любой другой босс не позволил бы сотруднику то и дело исчезать на съёмочной площадке, а Хэ Янь даже выделил ему машину с водителем. Благодаря этим связям и Линь Хоугэнь получил прекрасный уход и шёл на поправку. Казалось бы, причин для грусти нет.

Но Лин Чу видел истину. Он не был мастером в изучении людей, он был мастером в изучении Линь Шо. Сначала из зависти, потом — по привычке, а со временем это стало частью его сущности: стоило Линь Шо появиться рядом, и взгляд Лин Чу невольно следовал за ним.

Иногда он считал, что Линь Шо поступает неправильно, и ябедничал деду Линь, чтобы тот вправил внуку мозги. Но чаще он просто молча наблюдал со стороны, словно подпитываясь этой чужой, бьющей ключом энергией.

Лин Чу не отводил взгляда. Линь Шо терпеть не мог эту его серьёзность.

Пока он ехал сюда, он и сам пытался разобраться в себе. Вроде бы всё хорошо: Хэ Янь хоть и строптив, но его не притесняет. В конечном счёте, всё упиралось в его собственную жадность. Он хотел и того, и этого, и злился на весь мир, будто его кто-то обделил. Хотя на самом деле никто не был перед ним виноват.

— Брат Лин, как думаешь, я паршивый человек? — тихо спросил Линь Шо.

— Нет, — твёрдо ответил Лин Чу.

Если Линь Шо паршивый, то кто тогда они? Те, кто сумел сделать свой первый шаг только благодаря тому, что он расчистил им путь?

— Но я очень жадный, — Линь Шо повернулся к нему. — У меня уже есть так много, а я всё равно хочу больше.

— А разве это не нормально? — просто спросил Лин Чу.

Линь Шо опешил.

А ведь и правда. Кто откажется от лучшего? Просто бывают моменты, когда хочешь, но не можешь взять. Или когда время ещё не пришло.

Если довольствоваться малым, то зачем вообще двигаться вперёд? Потерянный шанс сегодня

не значит, что завтра дверей не будет. Ему всего двадцать один. Он может и дальше осаждать Старейшину Цзиня, вымалывать у него наставничество, быть невыносимо настойчивым. Впереди ещё уйма времени. Три года — он подождёт, он выдержит.

Линь Шо порывисто обнял друга:

— Спасибо, Брат Лин.

Лин Чу так и не понял, что именно стряслось, но, увидев, что Линь Шо перестал хмуриться, не стал расспрашивать.

— Пойдём в дом. Отец будет счастлив тебя видеть.

Они плечом к плечу вошли в кинотеатр.

Босс Лин как раз хлопотал на кухне, но, увидев Линь Шо, с радостью уступил ему место у плиты. Тот ловко принялся за дело. Хорошими поварами не рождаются: раньше ни Лин Чу, ни его отец и близко к плите не подходили, даже рыбу почистить не могли — всем заправляла мать.

Линь Шо же всегда был любопытен и постоянно крутился на кухне, помогая Тётушке А-Юнь. Своей матери он не знал, и она заменила ему её. Он с радостью выполнял любые поручения и незаметно для себя перенял все её кулинарные секреты.

Она часто говорила с улыбкой: «Это мастерство у нас семейное. Раз выучился — значит, теперь ты наш человек». В такие моменты Линь Шо, отбросив всякое смущение, в открытую называл её мамой.

Правда, никогда не делал этого при деде. Для Линь Хоугэня вопрос «почему у меня нет матери» был под строжайшим запретом. Лишь годы спустя дед открыл ему правду: мать у него есть, но она его забыла. И нельзя было надеяться на чудо — правда могла убить её, не выдержав шока, она ушла бы вслед за отцом.

Узнав это, Линь Шо проплакал полночи, спрятавшись от всех. Первой его нашла Тётушка А-Юнь. Он вцепился в неё, шепча: «Она мне не нужна, больше никогда не будет нужна». Дети часто так делают — пытаются первыми объявить о разрыве, чтобы не чувствовать себя брошенными. Она ничего не говорила, просто крепко прижимала его к себе.

Когда она заболела, он впервые осознал, насколько беспощадна смерть. Она забирает людей навсегда, и ты стоишь перед ней совершенно бессильный, не способный даже разделить чужую боль.

Тогда Линь Шо и решил: пусть она никогда его не узнает, пусть не вспомнит — лишь бы жила.

Жизнь дороже всего на свете.

В конце концов, судьба уже дала ему одну маму.

Линь Шо почувствовал, как пар над кастрюлей застилает взор.

За столом все ели с аппетитом. Лишь когда с большей частью блюд было покончено, Босс Лин негромко произнёс:

— Только ты и сумел перенять искусство А-Юнь.

На душе у Линь Шо стало беспокойно: он был рад, что память о ней жива, но в то же время хотел, чтобы дядя Лин жил счастливо и легко, как она того и желала.

— У Тётушки А-Юнь всё равно выходило лучше, — мягко ответил он.

Босс Лин молча проглотил кусочек и спустя долгое время добавил:

— На самом деле, больше всего она беспокоилась именно за тебя.

Линь Шо усмехнулся:

— Да чего за меня беспокоиться?

— Именно потому, что ты кажешься таким самостоятельным, она и переживала. Ты ведь только с ней и был по-настоящему откровенен. Только ей доверял свои печали, а в остальное время — всё в себе, всё сам, — Босс Лин посмотрел на него с отеческой теплотой. — А-Шо, ты парень способный, нам тебе особо помочь нечем. Но запомни: если в большом мире станет невозможно или просто устанешь — возвращайся в кинотеатр. Твоя комната всегда за тобой, здесь ничего не изменится.

В груди у Линь Шо разлилось тепло. Когда они с дедом жили в чужом городе, словно перекасти-поле, именно чета Лин приютила их, дала работу деду и шанс зацепиться здесь. Хоть дядя Лин и Тётушка А-Юнь часто ссорились из-за его доброты, по поводу Линь Шо и его деда в их доме не было сказано ни единого дурного слова. Они действительно подарили ему дом.

— Конечно, — улыбнулся Линь Шо. — Даже если будете гнать в шею, я всё равно прицеплюсь как банный лист.

Едва они закончили ужинать, как у Линь Шо зазвонил телефон. Это был Хэ Янь, и он явно был не в духе:

— Ты когда собираешься домой?

— Да вот как раз собирался.

— Давай живо! Фаньтуань заболел, у него понос не прекращается.

Линь Шо вздрогнул и вскочил, прощаясь с друзьями:

— Кот заболел, поеду посмотрю.

Линь Чу долго смотрел ему вслед.

Линь Шо помчался домой на такси. Хэ Янь уже увёз Фаньтуаня в ветклинику. Хозяин лавки осматривал пушистого пациента, а Хэ Янь нервно топтался рядом, вылитый папаша, переживающий за первенца.

Линь Шо порой поражался, как сильно этот вспыльчивый парень привязался к маленькому существу. Впрочем, он и сам души не чаял в послушном Фаньтуане.

Увидев встревоженного Хэ Яня, который боялся даже вздохнуть, Линь Шо подошёл к нему:

— Ну как он?

Ветеринар как раз закончил осмотр:

— Ничего страшного. Видимо, стащил и выпил молока. Сейчас сделаю укол против диареи. В следующий раз будьте внимательнее.

У многих кошек непереносимость лактозы, и Фаньтуань, судя по всему, не стал исключением.

Хэ Янь обычно только играл с котёнком, а настоящей заботы тот не знал. Увидев, как бедолагу выворачивает, Хэ Янь перепугался до смерти и помчался к врачу, прижимая Фаньтуаня к груди.

Сейчас он неотрывно смотрел на пушистый комочек. В этот момент он понял, почему тогда Линь Шо хотел вернуть его в приют. Нести ответственность за чужую жизнь — задача не из лёгких.

Пока врач готовил лекарство, Хэ Янь негромко признался Линь Шо:

— Я думал, он умрёт.

— Да ладно тебе, не нагнетай.

— У меня когда-то уже был кот. Совсем маленький, как Фаньтуань. Его случайно заперли на морозе, и когда я его нашёл, он уже едва дышал. Сейчас я думаю: будь я тогда хоть чуточку умнее... он мог бы выжить, — он поднял взгляд на Линь Шо. — Тогда я даже не знал, что его нужно отнести к врачу.

— Ну, в детстве никто ничего не знает.

Хэ Янь замолчал. Он думал не только о коте, он думал о Линь Шо. Сейчас, глядя на него, он чувствовал ту же растерянность, что и много лет назад. Он не знал, как защитить его, не причинив боли. Не знал, как уберечь.

Он не мог допустить, чтобы отец, Хэ Боюань, догадался об их сговоре, но и расторгнуть контракт не решался. Перед ним высилась неприступная гора в лице отца, против которой он никогда не смел идти открыто — разве что исподтишка пакостить. Он был в тупике.

Линь Шо не догадывался о его терзаниях. Решив, что тот просто переволновался из-за питомца, он взял кота на руки, как только процедура закончилась:

— Забирай лекарство, дома дашь Фаньтуану — и всё будет в порядке.

Хэ Янь побрёл следом за ним, словно привязанный.

Дома Фаньтуань, получив дозу лекарств, наконец успокоился и уснул в своей корзинке.

Линь Шо отправился в душ.

Когда он вышел, Хэ Янь уже переоделся в пижаму. Не успел Линь Шо вымолвить и слова, как тот прижал его к кровати, явно намереваясь устроить допрос:

— И где это ты шляется вечером?

Линь Шо скрывать не стал:

— В кинотеатр заезжал.

Хэ Янь нахмурился, вспомнив, что это дом Линь Чу.

— Что, Лин Чу больше не снимается?

— Снимается. Получил роль третьего плана, сидит над сценарием.

«Всё-то он знает, — пронеслось в голове у Хэ Яня. — Значит, виделись». Внутри шевельнулось неприятное чувство, которое он тут же списал на зависть: мол, Линь Шо везёт, он может общаться с кумиром когда захочет.

— А почему меня не позвал?! — возмутился он.

Линь Шо на мгновение затих, а затем рассмеялся:

— Ладно-ладно, в следующий раз обязательно возьму тебя с собой.

Хэ Яню почему-то не понравился этот смех. Было в нём что-то непривычное.

— И Фаньтуаня возьмём! Когда пойдём? Может, завтра?

Вместо ответа Линь Шо обхватил его за шею и прильнул к его губам, обрывая поток восторженных планов.

Хэ Янь тут же позабыл и про Лин Чу, и про всё остальное. Перехватив инициативу, он сжал Линь Шо в объятиях, окончательно переходя от слов к делу.

<http://bllate.org/book/17574/1715206>